

M. Loose

ПАВЛИКИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВИЗАНТИИ

Имя "павликиане"¹ – армянского происхождения, и с самого начала движение было связано с армянской этнической средой. В течение первого столетия его существования жизнь движения была сосредоточена вокруг двух центров. Зародилось оно в византийской провинции Четвёртая Армения, около города Арсамосаты (Асмосаты)². Другим прибежищем движения стал регион Понта, где также был силён армянский элемент. Ранний период истории павликиан известен нам только из их полулегендарной традиции, впервые записанной византийскими авторами не ранее девятого столетия. Сперва павликиане прятались в глухих деревнях, и в конце VII столетия движение почти исчезло. Постоянная угроза преследования заставила их вновь искать убежища у себя дома во времена императора Льва III (717-741). В эту эпоху власть Византии не простиралась так далеко, и Четвёртая Армения безопасно пребывала в руках арабов до начала VIII века.

Не позднее второй половины VIII столетия павликиане вновь появились в Византии. Движение окрепло и вышло на свет истории. Византийские летописцы упоминают о нём, и византийская церковная иерархия всё чаще вступает в полемику с опасной "ересью". Воинственное и предприимчивое, движение быстро укоренилось в городах и достигло самого Константинополя. Времена были необычайно благоприятными для этого. С конца двадцатых годов VIII века церковная политика византийских правителей определялась мощным иконоборческим движением, происходившим также из восточных провинций империи. Не может быть сомнений, что одной из причин этого являлась постоянная угроза арабов, заставлявшая императоров Сирийской династии прислушиваться к мнению населения восточных фем Малой Азии, жизненно важного для обороны империи региона. Иконоборчество достигло своего пика при Константине V (741-775), во время правления которого павликиане вновь появились в Византии. Стены церквей были расписаны светскими картинами; иконопочитание, столь глубоко укоренённое в византийской религиозной жизни, обладало сильнейшей поддержкой в монастырях, и их сопротивление жёстко подавлялось. Сам император симпатизировал экстремистам, которые нападали даже на почитание святых и культ Девы Марии. В этой атмосфере павликиане, ненавидевшие монахов и отказывавшиеся выказывать почтение изображениям святых и Девы, могли не только рассчитывать на терпимость³, но и с большей лёгкостью обращаться в свою веру, что,

¹ См. работу автора *Le mouvement paulicien à Byzance*, // *ByzSlav* XXIV (1963) 258 – 286; XXV (1964) 52 – 68; и его же критическое обозрение: *Où en est la question du mouvement paulicien?* // *Изв. на ист. БАН* 14 – 15 (София, 1964) 357 – 371. Приведённый там список литературы теперь должен быть дополнен: *Nina D. Garosian, The Paulician Heresy*, Hague – Paris 1967. – *Les sources grecques pour l'histoire des pauliciens d'Asie Mineure*. Texte critique et traduction par *C. Astruc, W. Conus-Wolska, J. Goulliard, P. Lemerle, D. Papachrissanthou, J. Paramelle*, в *Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Hist. et Civilis. Byz.* 4 (1970) 85 – 113. – *К. Н. Юзбашиян*. К происхождению имени "павликиане", // *Византийские очерки*, М., 1971, 213 – 235; (Важная работа *P. Lemerle*, опирающаяся на новое издание греческих источников о павликианах, появилась, когда эта работа уже была в печати. См. *P. Lemerle, L'histoire des Pauliciens d'Asie Minor d'après les sources grecques*, // *Travaux et Mémoires* 5 (1973) 1 – 144, с двумя таблицами и одной картой. – Ср также обзор автора настоящей работы в *ByzSlav* XXXV (1974)).

² Арсамосата ныне находится в Шишмат Кале около Харабы, примерно в 55 километрах к востоку от Елацига. См. *Anatolian Studies* XXI (1971) 45 – 46.

³ О поселении во Фракии армян и сирийцев из областей Феодосиополя, Мелитены и Клавдии при Константине V см. наше исследование в *ByzSlav* XXIV (1963) 267, п. 46. Все ссылки на источники приведены там; Феофан – единственный писатель, связывающий это событие с распространением павликианства, но даже из того, что он сообщает, нельзя с определённой уверенностью заключить, что эти изгнанники принесли павликианскую веру с собой с Востока. Насколько отчёт Феофана соответствует действительности, он позволяет предположить, что павликианская проповедь оказалась успешной среди армянских переселенцев во Фракии, откуда "ересь"

конечно, шло намного дальше самых радикальных иконоборческих идей.

Павликиане стремились не реформировать православную церковь, а упразднить её, заменив изначальным христианством. В их религиозной общине не было рукоположенных священников, но только общество христиан, среди которых отдельные личности, принявшие дар Духа, имели авторитет в вопросах веры, тогда как другим были доверены административные вопросы. По сути, это было возвращением к условиям апостольских времён, но в павликианской реставрации раннего христианства было несколько примечательных особенностей. Их церкви не имели ни епископов, ни диаконов, ни пресвитеров, что было, возможно, крайним выводом из их отвержения официальной церкви, чья иерархия пользовалась этими титулами. Лидеры сообщества называли себя "пастырями и учителями", согласно посланию Апостола Павла к Эфесянам (4:11). Их помощники также были харизматическими; они известны как *συνεκδήμοι*, термин, использованный в 2Кор.8:19 и в Деян.19:29. Павликианские пастыри и учителя верили, что они являются носителями истинной веры, проповеданной в ранние дни христианства "апостолами, пророками и евангелистами". Они действительно жили в своей роли учеников Апостола Павла, принимая имена его спутников и давая названия из его посланий основанным ими церквям. Фрагменты посланий, сохранившиеся от величайшего из павликианских учителей, Сергия (ум.834/835), проникнуты идеями и фразами Павла. Принятый павликианами более узкий канон Нового Завета состоял из четырёх Евангелий и Посланий Павла, но также известно, что особое значение они придавали Евангелию от Луки. Известно, что и Маркион принял Евангелие от Луки за основу в своём изложении истинного благовестия Христа. Более широкий павликианский канон включал Деяния Апостолов и остальные Послания, за исключением посланий Петра. Фундаментальным различием между павликианами и маркионитами было то, что павликиане не изменяли редакции Нового Завета⁴, удовлетворяясь интерпретацией его в духе своего учения.

Полемические сочинения авторитетов византийской церкви ясно показывают общую тенденцию приписывать новым идеям старые названия. "Новоявленные" еретические учения они предпочитали по самым поверхностным основаниям отождествлять с классическими ересями, против которых боролись великие отцы церкви. В случае павликиан эта тенденция проявилась очень отчётливо. В глазах православных писателей павликиане были просто последователями известного ересиарха Павла Самосатского. Церковные полемисты перепутали этого известного антиохийского епископа с Павлом, который действительно, согласно павликианской традиции, в конце VII века возродил общину, бывшую на грани исчезновения. Ошибиться было тем проще, что Самосату в Сирии часто путали с Арсамосатой, возле которой павликиане появились первоначально. Название *pavlikeank*, по-гречески *παυλικίανοι*, использовалось в Армении для обозначения несториан, как наследников адопционистской доктрины Павла Самосатского, было, таким образом, просто перенесено на новое сообщество, которое ошибочно сочли происходящим от ересиарха III века. Вскоре, однако, павликианство было объявлено также отраслью манихейства; сочетание этих двух версий породило известную легенду о происхождении и названии сообщества. Поверхностного предположения, что павликиане "исповедуют два начала" оказалось достаточно для православных полемистов, которые отождествили новое движение с манихейством, то есть с главной, в их глазах, дуалистической ересью.

Истина находится в другом месте. Павликианское учение основывается не на иранском дуализме Мрака и Света, объединённом в манихействе с гностическим дуализмом Духа и материи, но сохраняет в замечательно чистом виде проповеданный Маркионом дуализм Бога и мира.

распространялась далее.

⁴ Как, впрочем, и Маркион – см. прим.28 к главе I.

Известно, что некоторые ученики Маркиона развивали его учение в различных направлениях, не предусматривавшихся учителем, всецело посвятившим себя пересмотру библейского текста и не создавшего системы богословской мысли. Иногда мифологизирующая тенденция приближала их дуализм к манихейскому, тогда как другие смягчали его в духе Платона. В сравнении с этими позднейшими вариациями маркионизма павликианское учение демонстрирует несомненно архаичные черты, которые могли сохраниться в изолированных маркионитских общинах в сельской местности.

Фундаментальная идея двух богов в павликианстве, как и в маркионизме, оставалась незатронутой гностическим влиянием. Высший Бог не проявляет полноту Своего бытия (πλήρωμα) в нисходящей последовательности эонов. Он просто управляет незримым миром, который павликиане представляли в образе неба, населённого ангелами. С другой стороны, "князь мира сего" (ἄρχων τοῦ κόσμου τούτου) для них, как и для маркионитов, является просто божеством Ветхого Завета, полностью отвергнутого павликианскими учителями, также, как и Маркионом. Два движения замечательно согласны между собой и в антропологических позициях, поскольку и для павликиан человек целиком является творением ветхозаветного бога-творца. Обе группы принимали одно и то же основание для спасения человека Богом - по Своей чистой любви к страждущему человечеству Бог решил "взять человека к Себе". Однако, модалистскую христологию маркионитов павликиане заменяют некой формой адопционизма – Христос был одним из ангелов, и только когда Его труд на земле был завершён, мог быть назван Сыном Божьим. Вся история спасения человечества – это часть тайного учения, открывавшегося только павликианским посвященным. Как таковой, эзотеризм является свидетельством отхода от маркионитской традиции, основатель которой отвергал саму идею таинства. Содержание этого эзотерического учения также раскрывает тенденцию к мифологизации, чуждую Маркиону, но процветавшую среди его учеников.

Сотериологическое учение павликиан заставляет предположить, что, в отличие от Маркиона, они считали смерть Христа на кресте жертвоприношением, но никоим образом не ценой искупления, заплаченной за спасение человечества. Павликиане считали личное спасение зависящим только от веры в учение Христа об истинном Боге.

Для них жизнь Иисуса начиналась с Его рождения, тем не менее, они не считали его реальным и Марию считали обычной женщиной. Страдания Спасителя и Его смерть на кресте они, как и Маркион, считали реальными. То, что они называли крест "орудием проклятия", позволяет предположить, что они считали его орудием страстей Христовых, хотя само это словосочетание – отзвук хорошо известных слов Апостола Павла в Послании к Галатам (3:13), где он цитирует Второзаконие 21:23.

Поскольку павликиане не верили в реальность физического тела Христа, они отвергали хлеб и вино в Евхаристии и крещение водой. Они истолковывали слова Христа исключительно в духовном смысле, утверждая, что Он имел в виду Своё слово, а вовсе не хлеб и вино. Крещение, также, означало для них только слово Евангелия, ибо не Иисус ли сказал: "Я – вода живая"? Конечно, аллегорическое толкование выручало их каждый раз, когда их вынуждали прочесть православный Символ веры. Они исповедовали веру в тех выражениях, которых от них требовали, придавая словам то значение, которое было согласно с верой их общины.

Как мы уже видели, павликиане очистили свое богослужение от таинств крещения и евхаристии, пойдя в этом значительно дальше Маркиона. С другой стороны, нет свидетельств об аскетизме павликиан, хотя он был характернейшей чертой маркионитской церкви, и есть факты, свидетельствующие, что община никогда не проповедовала аскетизма и не практиковала его. Также полемисты никогда не обвиняли павликиан в критике существующего общественного порядка.

В глазах самих павликиан их дуалистическая вера, отвергающая мир сей и бога мира

сего, достаточно отличала их от православных верующих. Пребывая на арабской территории в безопасности, они открыто говорили о своей вере и не делали из неё тайны. Тогда как византийская церковь верила в одного бога, творца и владыку мира сего, они – называя христианами только себя – прекрасно знали, что есть два бога – один, сотворивший видимый мир и владычествующий над ним, и Другой, Чья власть не в этом мире, но в мире грядущем. Об этом Ином Боге говорит слово Евангелия: "Вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели" (Ин.5:37). Таким образом, для павликиан дуализм был не просто богословской спекуляцией, но метафизическим объяснением непроходимой пропасти между ними и официальной церковью.

Движение, последовательно ниспровергавшее всю систему догмы, богослужения и организации византийской церкви, неизбежно должно было вступить в конфликт с византийским государством, слишком тесно связанным с ортодоксией. Несомненно, когда при Константине V иконоборчество было на подъёме, преследование павликиан ослабло. Очевидно также, что в начале IX века император Никифор I (802-811), прагматичный государственный деятель, живший интересами государства, был терпим и ко всё ещё сильным иконоборцам, и к набиравшим силу павликианам. В этот период движение распространилось по всей империи, но во время краткого царствования преемника Никифора, императора Михаила I (811-813), к павликианам со всей суровостью были применены законы против манихеев. Законы Юстиниана обязывали всех представителей власти разыскивать проповедников манихейства, к которым применялись самые жестокие наказания, вплоть до смертной казни⁵. Непреклонное применение этих мер уже очистило Византию от манихеев⁶. Однако те же меры были вновь предписаны в Эклоге Сирийской династии (726), с определением метода казни – смерти от меча. Теперь эти законы были применены против павликиан и афинганского сообщества, распространившегося в Сирии и Ликаонии. Кроме "манихеев", Эклога предписывала смертную казнь для участников монтанистского движения во Фригии⁷.

К этим свирепым мерам императора Михаила I подстрекала верхушка византийской церковной иерархии, возглавлявшейся патриархом Никифором. Чтобы преодолеть растущее влияние "ереси", они были готовы идти до конца, но радикальное монашеское движение, духовным лидером которого был Феодор Студит, возражало против жестокостей. Они оставались непоколебимыми в своём убеждении, что насилие и кровопролитие противоречат самой сущности христианской веры. Современные источники позволяют предположить, что временами Феодору удавалось смягчать позицию императора и патриарха по вопросу казни еретиков⁸. Однако, имперский эдикт⁹ оставался в силе, и даже официальное возрождение иконоборчества после 815 года не дало павликианам передышки. Движение в то время было сосредоточено в северо-восточных областях Малой Азии, где население было по преимуществу армянским. Из лаконичного комментария Петра Сицилийского мы узнаём, что митрополит Неокесарийский и экзарх этой области, ответственный за надзор за монастырями, опирались на этот эдикт в своём преследовании павликиан. Пересказывая текст Петра, патриарх даёт детальное описание того, как эдикт исполнялся¹⁰. Очевидно, он опирался не на исторические факты, а на способ применения законной канонической процедуры в подобных случаях. Судебное расследование находилось в руках церковной иерархии, также, как и право помилования и наложения

⁵ СJI v 11, 12, 16, 18.

⁶ См. *H.-C.Puech в Puech – Vaillant, Le traité*, 304.

⁷ Эклога XVII, 52. С.Е.Zachariae v. Lingenthal, *Collectio Juris Graeco-Romani*, Lipsiae 1852, 51.

⁸ См. *Grumel, Regestes*, NN 383, 384.

⁹ *πρόσταγμα* - см.Пётр Сицилийский, *Ἱστορία χρειώδης*, изд. *D.Papachrisanthou-J.Goulliard*, // *Travaux et Mémoires* 4 (1970) 65,13-19.

¹⁰ Фотий, *Διήγησις*, изд. *W.Conus-Wolska – J.Paramelle*, *ibid.*, 167,11-29.

церковно-дисциплинарных мер. Светские органы несли только вспомогательную функцию - они разыскивали "еретиков", доставляли их в церковный суд и, наконец, приводили в исполнение приговор в отношении нераскаянных еретиков, переданных светской власти¹¹.

В Малой Азии павликиане сполна рассчитались за преследование, и после совершения возмездия огромное их количество нашло прибежище за границей, на территории эмира Мелитены. Арабы воспользовались наплывом беженцев, чтобы основать новые военные колонии на своей границе, и теперь павликиане принимали участие в их частых набегах на Византию. Это продолжалось даже вопреки неодобрению их учителя Сергия, который и в изгнании продолжал, подобно апостолам, зарабатывать на жизнь своими руками. Конечно, в это время даже самый авторитетный духовный лидер уже не мог изменить неизбежного хода развития. Уже в правление последнего иконоборческого императора Феофила (829-842) павликианские войска стояли в приграничной области Халифата. Их военным лидером стал Карбеас, ранее занимавший высокий пост в византийской армии. Некоторые армейские командиры в восточных фемах тайно поддерживали с ним отношения. Это было смертельной опасностью для империи. "Ересь" настолько распространилась в восточных провинциях, что императрица Феодора, восстановившая в 843 году почитание икон, попыталась подавить её силой оружия. Десятки тысяч павликиан погибли в чудовищной резне, и их имущество было конфисковано. Позднейший летописец, оглядываясь назад, отмечает, что эти насилия стали причиной "бóльшего зла", постигшего империю. Потоки беженцев пополнили ряды павликиан, живших под защитой арабов. Отданные им города Аграун и Амара уже не могли их вместить, и понадобился новый город. Карбеас избрал местом для такого центра Тефрику (ныне Дивриги), легко доступную будущим беженцам из Византии, и удаленную, насколько возможно, от эмира Мелитенского. Таким образом, на западной границе Халифата образовалось новое полунезависимое владение, чьи правители немногим уступали арабским эмирам в этом регионе. Карбеас (ум.863) и его преемник Хрисохир по своим взглядам были, несомненно, павликианами, но также несомненно, что они стремились укрепить свою собственную власть. Имена этих двух правителей Тефрики позднее вошли в эпическую поэму Дигениса Акрита. Многие в рядах их армии имели мало общего с верой общины. Из Тефрики Хрисохир управлял значительной территорией, и его войска совершали рейды до самых западных областей Малой Азии.

Павликианам было нетрудно совершать свои дерзкие набеги, поскольку византийская армия была связана на Западе борьбой с арабами, угрожавшими последним византийским укреплениям на Сицилии и проникшими в южную Италию. Император Василий I (867-886) пытался договориться с лидером павликиан Хрисохиром и обезопасить свои восточные границы. Попытка примирения была сорвана упрямством Хрисохира - успехи придали ему уверенности в своих силах. Греческие и арабские источники позволяют нам датировать эти переговоры примерно 870 годом. Известно, что в это время (869-870) в Тефрике побывал Пётр Сицилийский. Он пишет, что находился там, чтобы организовать обмен попавших в плен византийских офицеров. Девять месяцев, проведённые среди павликиан, Пётр использовал, чтобы исследовать их жизнь. Сегодня его работа является главным источником наших знаний о павликианстве. Доверенная Петру дипломатическая миссия была связана с военными лидерами Тефрики, сумевшими создать на арабской территории серьёзную угрозу для Византии. Не менее опасной была и духовная сила павликиан, изгнанных из империи, но процветавших под защитой правителей Тефрики. Пётр своими глазами видел непоколебимую веру павликианских учителей, заставлявшую следовать за ними людей всех социальных групп. Богословские дискуссии, которые Пётр проводил с павликианами в Тефрике, отражены в гомилиях, приложенных к его *Historia Manichaeorum*.

¹¹ См. *J.Scharf, Zur Echtheitsfrage der Manichäerbücher des Photios, BZ 44 (1951) 491.*

Возможно, эти дискуссии были частью его миссии в Тефрике, поскольку Византия не оставляла надежды на мирное присоединение павликиан к православию. Нет свидетельств, что Петру удалось достичь хоть какого-то успеха в этом направлении. Действительно, он убедился в серьёзности угрозы со стороны павликианских духовных лидеров, которые не только успешно вели свою работу на арабской территории после изгнания из Византии, но даже планировали миссию для проповеди в далёкой Болгарии. Страна, недавно обращённая в христианство, казалась плодородной почвой для энергичного и искусного прозелитизма павликиан.

Несомненно, сообщение о намерениях павликиан Тефрики в отношении Болгарии вызвало серьёзную озабоченность в Константинополе. Болгария в тот момент находилась на передовой византийских интересов. В тот год, когда Пётр вернулся домой из своей миссии на Восток (870), эта балканская страна окончательно вошла в византийскую церковную область, и правителям империи очень хотелось увидеть, как их политическое влияние будет усиливаться влиянием церковным. Теперь же им угрожала опасность, что зараза "ереси" с самого начала сможет разрушить это достижение и стать постоянной угрозой ещё и на западной границе империи. Возможно, Пётр Сицилийский действовал по приказу сверху, когда писал свой историко-полемический трактат, завершённый уже после возвращения из Тефрики, и предупредительное послание к архиепископу Болгарии.